

Игорь Ткаченко

ЭПИСОДИИ ОДНОГО
АРМАТЕ Д ДОНА

Игорь Ткаченко

Эпизодии одного Армагеддона

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Ткаченко И.

Эпизодии одного Армагеддона / И. Ткаченко —
«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Книга писателя-фантаста Игоря Анатольевича Ткаченко «Эпизодии Одного Армагеддона» наверняка придётся по вкусу самым требовательным и искушённым любителям этого жанра. Во-первых, она написана прекрасным литературным языком. Во-вторых, свой захватывающий и весьма интересный сюжет автор проработал, что называется «от и до». Ну, и в-третьих, ничего подобного Вы, уважаемый читатель, ещё не читали. Среди множества самых невероятных миров, от Парадизбурга до таинственного Заветного Города, от Дремадора до милого сердцу и слуху Нового Армагеддона – всюду идёт война. Всех со всеми и всех с изродами. Где вчерашний друг может ударить в спину, а сегодняшней враг будет завтра защищать твою спину. Кому суждено здесь уцелеть, а кто падёт – кто знает... Да и упасть здесь можно всяко – можно, как собака, позорно и потеряв лицо. А можно и так, что даже смерть посчитает за честь оставить тебя в покое. Как уцелеть в мельтешении этого калейдоскопа, как отыскать то, или ту, которую так долго ищешь? Да и реален ли вообще этот Калейдоскоп?..

© Ткаченко И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ПАРОД	6
ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ	8
Строфа 1	8
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Игорь Ткаченко

Эпизодии одного Армагеддона

*Ни по земле, ни по воде не
найдешь ты пути к гиперборейцам.*

Пиндар.

*И я вернусь домой: со щитом или,
может быть, на щите.*

Виктор Цой.

ПАРОД

На столе передо мной лежит старенький калейдоскоп, потрепанная колода карт, которые я никак не соберусь пересчитать, чтобы понять, какой не хватает, и два зеркала по обе стороны оплывшей свечи в позеленевшем от времени подсвечнике.

Из окна мне видно, как во дворе под раскидистой шелковицей Вероника лакомится спелыми ягодами. Встает на цыпочки, тянется руками к ветвям, и легкое в горошек платье взлетает, высоко обнажая загорелые стройные ноги. Вероника смеется и одергивает платье. Знает, что я за ней наблюдаю. Почему-то она всегда знает, когда я на нее смотрю.

Ну вот, собственно, все понятное на этом заканчивается.

Дальше понятней не станет, поэтому давайте договоримся сразу: глупых вопросов не задавать, а на умные я и сам был бы рад услышать ответ.

На все неизбежные «почему-как-откуда» могу лишь невразумительно буркнуть: «потому что-так-отсюда».

Не спрашивай у калейдоскопа: почему?

Спроси у того, кто его вертит.

Не спрашивай у изменчивых облаков: почему собака и зачем верблюд?

Спроси у ветра.

Не спрашивай у колоды карт: откуда шестерка, если я хотел туза?

Спроси у того, кто тасовал колоду, если только он не шулер.

Согласен, можно было применить известную уловку: обозвать эти листки «рукописью, найденной на помойке, под кроватью, присланной неизвестным самоубийцей или сброшенной с вертолета, рассыпавшейся и сложенной вашим покорным слугой так, как сложилось». То есть всяческими испытанными способами откреститься и встать в сторонке, оставив, тем не менее, свое имя на титульном листе.

Но зачем?

Да и не о том я.

Я записал это сам. Если быть точным, то начал записывать я, а заканчивал совсем другой человек, какой получился из меня, пока я это записывал.

Вот еще: не буду делать стыдливой оговорки, что все действующие лица, ситуации и учреждения вымышлены. Это не так.

А вот никакого научнообразного обоснования я не знаю и придумывать не стал.

Почему узор в калейдоскопе сложился так, а не иначе?

Есть ли вообще какой-то смысл в этом узоре, а если есть, то кто его знает?

Почему один раз пасьянс сходится, а потом, сколько ни бейся, – никакого толку?

Почему за полчаса до встречи с тем, кого не видел года два и думать забыл о его существовании, он вдруг вспоминается? Или, оказавшись в совершенно незнакомом месте, ловишь себя на мысли, что здесь уже когда-то, очень давно, бывал? А, войдя в собственную комнату, вдруг не можешь ее узнать.

Да, а чья это, собственно, физиономия в зеркале по утрам? Моя?

Позвольте, а откуда борода и усы?

Нет, нет и нет! Вынужден вас огорчить. Мое психическое состояние на известной шкале занимает среднее положение между двумя пограничными – шизофренией и маниакально-депрессивным психозом. То есть я, как надеюсь, и вы, совершенно нормален, о чем есть соответствующая запись в соответствующих документах.

Меня зовут Игорь. Мне, как и вам, миллион миллионов лет, но я еще не устал и не спешу увенчать себя венком и броситься в море. И ни одну жизнь я еще не прожил до конца. Кто-то нетерпеливый делает легкое движение рукой, и рисунок неуловимо меняется. Он

похож на тот, что был, но уже совсем другой. Поэтому не знаю, как это – до конца? И что там дальше?

А еще меня зовут Самсон и Адраст, Радунк и Димон, Тарнад и Марк Клавдий Марцелл. А еще – Вероника, Сцилла и Ольга.

Вас как зовут?

Меня так же.

У меня много имен. Всех я не знаю, потому что много узоров в калейдоскопе, велика колода, еще не сошелся пасьянс, и никому не удалось пересчитать отражения в коридоре зеркал.

Кто знает, когда устанет рука, что вертит калейдоскоп, какой узор он ищет и каковы правила пасьянса?

Что касается гиперборейцев, то есть, говорят, такие люди. Солнце у них заходит раз в году и ненадолго, земля дает по два урожая, и урожай те не гниют на корню и в закромах, а сами гиперборейцы отличаются необычайным долголетием, живут счастливо в мире лугов и рощ. У них есть свой способ остановить руку, вертящую калейдоскоп. Когда их старцы устают от жизни, они, увенчав себя цветами, бросаются в море и находят безболезненную кончину в волнах.

Не туда ли мы стремимся на протяжении сотен своих жизней? Или когда-то жили мы там, но потом за какое-то страшное прегрешение были изгнаны и вот теперь мечемся, ищем дорогу, вертим калейдоскоп судьбы, вновь и вновь пытаемся сложить пасьянс.

Может быть так, а может быть, по-другому или вовсе перпендикулярно.

Я честно предупреждал, что на умные вопросы ответа не знаю.

И, наконец «парод» – это не приятель «пародии». Так назывался проход на оркестру между амфитеатром и зданием скены, по которому вступал хор, и так же называлась в древних комедиях и трагедиях первая вступительная песнь. Так что по-нашему, попросту – это «въезд». А для тех, кто «въехал» -

ЭПИСОДИЙ ПЕРВЫЙ

Строфа 1

Стеклышки сдвинулись.

Возвращаться сюда приятно, потому что отсюда легко уходить.

И просыпаться приятно не на жарких шкурах в шатре Варланда и уж тем более не на соломенном тюфяке в казарме гладиаторов, а в просторной светлой комнате. И не от полночного воя волкодлаков, пронзительного визга нетопырей или хриплого баса децима Беляша, а просто потому, что спать больше не хочется.

Выспался до упора.

Но можно еще поваляться и лениво поразмышлять, стоит ли явиться в Институт вовремя или, по неписаному закону понедельника, часам к одиннадцати.

Размышлять, собственно, не о чем: к девяти все равно не успеть, а там, того и гляди, нарвешься на очередной бзик Мальчика-с-пальчик и доказывай, что приходишь в десять или одиннадцать имеешь полное моральное право, потому как уходишь тоже не раньше одиннадцати. Кстати, очень интересно, как это Мальчику-с-пальчик до сих пор не пришло в голову посидеть на проходной до полуночи и посмотреть, когда уходят с переднего края науки те, кого он заставляет писать объяснительные за опоздания.

Давно мечтаю спросить его об этом, да боюсь, как бы старикашку не хватил удар. Он устраивал засады на проходной и блюл дисциплину в период Крутого Порядка, когда одного его слова было достаточно, чтобы нарушитель до конца дней толкал тачку на фатовых рудниках. И во времена Прозрения и Охаивания тоже блюл, а уж как он истово блюл и проверял кинотеатры и очереди в универмагах в краткий миг Ренессанса! Сейчас он тоже блюдет, проверяет и устраивает засады, но, конечно же, только по привычке, потому как в эпоху Покаяния и Самосознания никому нет дела до того, кто когда приходит, чем занимается и когда уходит.

Пусть его. Не буду я ничего спрашивать. Буду просто валяться, пока не надоест, лелеять ногу, подвернутую во время ночного бегства по темным коридорам замка Дорвиль, и разглядывать свою комнату.

Комната моя, за которую дед Порота плату берет чисто символическую, обставлена в лучших традициях царя Леонида: диван, платяной шкаф, книжная полка, письменный стол и стул со сломанной спинкой. Все имущество мое движимое, и очень часто движимое, состоит из фанерного чемодана на шкафу, нескольких реквизированных в библиотеках книг, одежды, которую неплохо бы обновить, и двух фотографий над диваном.

Было время, когда я еще увлекался фотографией.

Правый снимок я назвал «Тиранозавр пришел умирать на кладбище динозавров». Освещение и ракурс мне тогда удалась, умирал зверюга убедительно. Кожа его, в молодости упругая и гладкая, сморщилась, покрылась трещинами, шрамами и бородавками, глаза подернулись мутной пленкой, а некогда мощные задние лапы подогнулись, с трудом поддерживая тяжелый костяк в подобающем повелителю плато Ондера положении. В кадр не вошла растерзанная туша стегозавра, или как там по науке называется шипастое бронированное чудовище, едва не ухайдакавшее моего любимца, но так даже лучше.

Вид обреченного гиганта, тихого и задумчивого, стоически ожидающего неизбежную кончину, наводит на мысли о бренности, преходящести и недолговечности.

Я вздохнул. Ящер всегда был мне симпатичен. И дрался честно, хвост в дело не пускал, подножек не ставил, засад не устраивал.

Все-таки немного жаль, что туда я больше не попадаю.

Вторая картинка, не моего, к сожалению, производства, составляет с первой диалектическое единство: это цветной плакат с длинноногой смеющейся девушкой на фоне невероятно синего моря.

Я вздохнул еще раз, и вздох был намного протяжнее первого.

Уймись, приятель, говорил я себе этим вздохом. Кому, как не тебе, знать, что такие девушки водятся только в сказочно прекрасных местах, где небо синее и море цвета неба, где всегда тепло, а если вдруг пойдет снег, то непременно огромными пушистыми хлопьями в звенящей лунной тишине. Среди светлых стволов там неслышно скользят снежный единокор, и она на его спине, задумчивая и прекрасная...

Уймись, приятель!

Там, где ты бываешь, таких девушек давно уже нет. Не каждая шестиклассница останется в живых, доведись ей встретиться с единорогом. А эта твоя разлюбленная девица наверняка подвизается стриптизеткой в закрытом клубе ответработников среднего звена. От хорошей жизни нагишом на плакат не полезешь.

Ну, хорошо, хорошо, даже если это не так, ты не встретишь ее на улице, а если вдруг встретишь, не осмелишься познакомиться. А если познакомишься, не сможешь пригласить куда-нибудь. А если сможешь, то куда пригласить-то? Не в эту же конуру. Таких девушек нужно приглашать как минимум в отдельную квартиру, а откуда у тебя отдельная квартира? Пока простой смертный дожидается очереди на жилье в родной конторе, кожа его, в молодости упругая и гладкая, сморщится, покроется трещинами, шрамами и бородавками, глаза подернутся мутной пленкой...

Так что, приятель, сам понимаешь...

Комната вдруг стала не такой уж светлой и просторной, обстановочка и вовсе убогой, а летнее утро за окном – хмурым и холодным.

За стеной на кухне сердито гремел посудой дед Порота. Из гундосого сопения простуженной радиоточки выяснилось, что наш славный Парадизбург опять переименовали в Новый Армагеддон, что только на моей памяти случалось трижды.

Армию мы нынче сокращаем, и сокращение начали с увеличения числа призывников.

Ничего светлого и сияющего на линии горизонта больше не строим, а само существование линии поставлено под сомнение.

Нового, сильного, морально устойчивого и непривлекавшегося больше не воспитываем, зато будем выращивать умного, предприимчивого, с острыми локтями, хорошим запахом изо рта и широкой улыбкой.

Друг к другу опять обращаемся «сударь» и «сударыня».

Территориальные амбиции западных, восточных, северных, южных, а также срединных территорий признали необоснованными.

С понедельника, то есть, с сегодняшнего дня, живем по закону управляемого базара, каковой закон, после должного обсуждения сударями и сударынями, будет принят единогласно в будущем году.

А глава Совета Архонтов теперь называется не главой Совета Архонтов, а вовсе даже базиливсом, что соответствует моменту, чаяниям, а также гораздо благозвучней для тех, кто говорит на заморских языках.

Такие дела.

Я тихонько присвистнул. Круто замешиваете. С вами, ребята, не соскучишься. Что-что, а находить себе новые развлечения вы умеете. А впрочем, какое мне до всего этого дело? Никакого. Я здесь человек временный, и чем дальше, тем больше.

Гораздо интереснее и важнее узнать, не натворил ли я чего-нибудь здесь, пока был там, в моем Дремадоре.

Поначалу очень меня это смущало: преследовать стаю нетопырей где-нибудь у черта на куличках, в Дырявых Холмах, и в то же самое время париться на экзаменах в лицее. Бывало и другое: в разговоре увлекался, начинал что-нибудь рассказывать и только после насмешливого «ну ты и брехать, старик» спохватывался, что рассказываю здесь о той, дремадорской жизни, или наоборот.

С дедом Поротой Тарнадом мы так и познакомились в забегаловке под мостом. Через полчаса я вдруг обнаружил, что обсуждаем мы с ним не что иное, как приемы скрадывания горных клюванов, тварей мерзких, опасных, но невероятно вкусных, когда их зажаришь целиком на вертеле, поливая кислым соком дерева ку-шу.

Сдается мне, дед тоже знает способ попадать в Дремадор. Определенно встречал я его там и не один раз. А уж один раз встречал точно: я тогда по молодости и глупости затесался в развеселую компанию гетайров Великого Рогоносца – молодой веселый предводитель, охота с молосскими догами, терпкое хиосское вино, головокружительная сладость покорных рабынь... А дед Порота командовал отрядом скифов, нанятых для охраны города.

Ох, и врезали они нам по первое число в харчевне старого Клита! До сих пор вздрагиваю, вспоминая дикие вопли скифов, яростные глаза под надвинутыми на брови островерхими шапками и свист сыромятных ремней.

Иногда мне кажется, что дед Порота тоже меня вспомнил и узнал, но говорить с ним или с кем другим о путешествиях в Дремадор я теперь опасаясь.

Скверно это кончается. Склянкой с диэтилдихлорсиланом это кончается. И вспоминать об этом мне больно и стыдно.

Паршивое утро.

Дед Порота по-холостяцки завтракал бумажной колбасой, вареными вкрутую яйцами и луком, запивая все сладким чаем. Действо это, выполняемое с каменным выражением бородатого лица, он называл по-солдафонски – «принимать пищу». Мою распухшую лодыжку он заметил сразу, покачал неодобрительно головой, но ничего не спросил, буркнул хмуро командирским голосом:

– Бардак.

Ну, бардак и бардак, что тут возразишь? Я сдержал позыв вытянуться по стойке «смирно» и гвардейски рывкнуть «так точно!», согласился молча, развел покрепче кофе и, чувствуя внутреннюю готовность все ж таки вскочить и рывкнуть, примостился на подоконнике у раскрытого окна и закурил.

– Съешь чего-нибудь, пузо загубишь, – сказал дед Порота, а когда я отказался, опять подвел итог каким-то своим мыслям:

– Полный бардак.

– Где?

Это было стратегической ошибкой, дед завелся с полоборота:

– А везде! Куда ни сунься – полный бардак! Как ему не быть? Раз нет порядка, значит, бардак. А порядка, сам знаешь, нет!

Ну, началось, фиг остановишь... Жажда порядка у деда Пороты в крови. По рассказам, был он кадровым офицером, воевал, немалые имел награды, да вышел у него какой-то конфуз с подавлением мятежа на фатовых рудниках. Не то слишком многих он подавил своими танками, не то совсем не тех подавил, кого надо было. Вот и сослали его с повышением в звании в отставку, но пенсию и наградные платили регулярно. Из дедовой комнаты, куда я по молчаливому уговору никогда не заглядывал, доносился частенько какой-то грохот, слышались вопли, бряцанье и урчанье, а иногда тянуло паленым и почему-то мокрыми шкурами.

– ...эти, тоже мне, звездные герои! Который уж месяц на орбите болтаются, вернуться не могут. Третий раз объявляют о запуске ракеты, а она все не взлетает. Бардак? Бардак.

Дед Порота загибает палец.

– Белых лучников я в молодости сам топил, каменюку на шею и в омут, а теперь – пожалуйста! всю жизнь прожил в тупике Малый Парадиз, а сегодня выхожу – новая табличка висит: проспект Юных Лучников, тьфу!

Дед загибает еще один палец.

– Жрать нечего, пить нечего, курить тоже нечего. Куда все подевалось? А времена Крутого Порядка ругаем, как же, обидели кого-то, сопатку разбили! Зато, помню, в магазин зайдешь – глаза разбегаются, а сейчас? Шампуня по сто грамм на полгода дают, хочешь сразу на плешь вылей, хочешь – нюхай полгода.

Из загнутых пальцев образовался кулак, и дед грохнул им по столу.

– Не бардак, скажешь?! До чего докатились, призыв объявлен, а в армию народ не идет, западные территории отделяться вздумали, я б им отделился! Чего ж тут удивляться, что в Старом Порту нечисть завелась: ростом с человека, а голова песья. Разве в прежние времена такое бывало? Зато радуемся, сударь мой, все у нас теперь как у заморцев. Бабе... бня... тьфу, пропасть, язык не поворачивается! Басилевс теперь у нас, вот! В точности, как у заморцев, пропади они пропадом.

По-военному безыскусная болтовня эта изрядно мне надоела, а проклятия заморцам вызывали раздражение сродни чесотке, потому что в существование заморцев я никогда особо не верил. Как-то не доводилось мне видеть заморца живьем, а все рассказы о заморских странах воспринимаются как сказка.

Красиво, но не бывает.

Я пробормотал вежливо-неразборчиво в том смысле, что как-нибудь все образуется и украдкой глянул на часы. Уже можно было идти без опасения нарваться на Мальчика-с-пальчик.

– Плюну на все и пойду! – объявил дед Порота. Сам своей неожиданной идее обрадовался и глянул на меня вопросительно: – А что?! Хоть бы и в Дружину. Должен же кто-нибудь порядок навести.

Дружина – это что-то новенькое, Но деду Пороте наверняка подойдет. Раньше он все собирался в партизаны, сушил в духовке страшенькие сухари, закупал рулонами холсты и байку для портянок и штопал по вечерам невесть где раздобытые вонючие телогрейки. При этом на кухне гасился свет, и зажигалась сделанная из танковой гильзы керосинка. Потом мешки с заплесневевшими сухарями под покровом ночи стыдливо перекочевывали на помойку, и недели на две дед объявлял перемирие.

Сколько ему, собственно, лет? – подумал вдруг я. Сорок, пятьдесят, семьдесят? Слегка постричь, сбрить эту дикую скифскую бородищу, седые патлы перетянуть кожаным ремешком... Десантные высокие башмаки, маскировочную камуфлю, ремень потуже... Ничего себе будет вояка.

– А возьмут в Дружину?

Дед Порота оскорбился.

– Кого ж брать, как не меня? – Он поддернул рукав, утвердил на столе жилистую ручищу с внушительным кулаком. – Попробуем?

А ведь он, точно, он тогда был со скифами. И кулак этот преотличнейше мне знаком.

– Не хочешь? То-то же! – хмыкнул довольно дед Порота. – Не возьмут! Пусть только попробуют! Уж мы наведем тут порядок, не в таких местах наводили. Порядок, он порядок и есть. Первым делом в военных комиссиях поможем, призыв обеспечим, гадам всяким хвост прищемим, а там и еще кой-какие задумки имеются... Это вы, молодежь, все сомневаетесь да языками треплете, лишь бы не делать ничего. Нам же сомневаться некогда, мы жизнь прожили. Ты вот тоже хорош: сидишь тут, заболтал меня совсем, а там, небось, работа стоит. Не так, скажешь?

– Уже иду.

Я выбросил окурок за окно, прыгнул с подоконника и зашкворчал от пронзившей все тело острой боли.

– Э-э-х! Молодежь, молодежь, все-то у вас через афедрон истекает... – Дед Порота сгреб меня в охапку, усадил на табурет: – Давай сюда ногу. По девкам, небось, шлялся?

Пока он сильными пальцами млял мне щиколотку, я мужественно мычал.

– Легче, легче, не зажимайся! Не зажимайся, кому говорят! В-о-т! Молодцом. Жениться тебе надо, парень, вот что я скажу. Сколько ж можно кобелировать. Так никогда до мужика не дозреешь, всю жизнь в пацанах пробегаешь. Ого! Гляди, что полетело! – удивился он, а когда я поддался на уловку и глянул в окно, резко дернул.

В щиколотке хрустнуло. Я взвыл, потому что...

* * *

...звонит смех Вероники, загорелая, гибкая, она убегает от волн, сбивает ладонями их белопенные верхушки, а рассыпавшиеся по плечам волосы пахнут морем и солнцем, и вся она пахнет морем и солнцем. Соленые брызги на податливых губах, пустынная подкова пляжа, удивленно-счастливый шепот, прикосновение прохладных пальцев, благодарный стон, и в высоких стаканах на столике под полосатым тентом не растаяли прозрачные айсберги.

Вероника...

До боли реальные воспоминания о том, чего не было.

Воспоминания о том, что будет или могло быть, а пока...

...линялое небо с ошметками серых облаков, сухой звенящий воздух, и похожая на колючую проволоку бурая трава ломается с хрустом под башмаками, рассыпается в пыль, от которой першит в горле, глаза слезятся и все время хочется чихать.

Замор.

Стало быть – замор.

Будь проклят – замор!

Заскорузлая от пота камуфля липнет к спине, трет шею и подмышками. Соленые капли, зарождаясь где-то под каской, ручейками стекают по щекам и носу, задерживаются на бровях, чтобы вдруг едко укусить в глаз.

Ремень автомата с каждым шагом все сильнее врезается в плечо, тянет, гнет книзу и вбок, пока не соскальзывает в мягкую пыль бесполезным в заморе куском мертвого железа. Если оставить его там, через пару дней он превратится в кучку ржавой трухи и рассыплется под ногой, неотличимый от сожравшей его пыли.

Не забыть бы подобрать на обратном пути.

А вот клинок – двумя руками и покрепче.

И по инструкции – горизонтально перед собой, упираясь в живот локтями и рукоятью с круглым набалдашником.

И по инструкции – чутко прислушиваться к ощущениям в руках.

И по инструкции – корректировать направление на центр замора, отклоняясь на несколько шагов то в одну, то в другую сторону.

Живые компасы на двух подгибающихся от усталости ногах вялым зигзагом бредут от границы замора к центру.

Когда мозги плавятся, надежда только на вколоченную в них инструкцию.

Не расслабляться, не дать замору поймать себя фальшивыми воспоминаниями, предательски красивыми и желанными, как тихая улыбка по ту сторону свечи. Думать о чем-нибудь простом и надежном. Об инструкции по вычислению размеров аномальных областей, или, попросту, заморов.

По пунктам.

Пункт первый, пункт второй, пункт третий...

Стихает и растворяется вдали смех Вероники и шорох волн, смывающих на изумрудном песке следы, которых там никогда не было. Громче хруст травы, бурая пыль забивается под камуфлю и в башмаки, жжет кожу, шершавеет язык, клинок тяжелеет.

Атака замора не удалась, он отступил и затаился, чтобы выждать, выбрать время и ударить еще раз, неожиданно и сильно.

Медленными и неопасными становятся мысли.

Сунуть сопревшие ноги в таз с чистой и теплой водой. Блаженно шевелить пальцами. С бессмысленно-счастливой улыбкой вернувшегося откинуться на лавке – банка пива в одной руке и сигарета в другой. Отсохнуть полчаса, а кто-нибудь из салажат уже форму надраит и положит аккуратной стопкой рядом на лавку и уйдет на цыпочках, чтобы не потревожить и не схлопотать по ушам. А потом под душ. Долго стоять там, подставляя лицо упругим струям, и чувствовать, как в иссушенное, измятое замором тело возвращается желание жить. Вода сначала будет теплой, потом горячей, потом нестерпимо горячей, а когда доверчиво раскроются распаренные поры – ошарашить их ледяным потоком. Из глотки вырвется восторженный вопль и сменится довольным урчанием, когда вода опять станет горячей.

Раз за разом обрушивать на себя водопады, озера, океаны воды, пока миллионы иголок не оживят кожу, и она не станет упруго поскрипывать под пальцами.

А потом состричь ногти, побриться и – к Витусу в кантину, и отыграть свой нож, отличный нож, доложу вам, ребята, старой ручной работы, сбалансированный, с рукояткой из кожи клювана. И выпить за тех, кто не вернулся из рейда. И за то, что, хвала Предыдущим, не гробанулись на этот раз, вовремя Малыш Роланд неладное почуял, вот уж у кого чутье! И еще выпить, и отбить какую-нибудь девицу у задастых штабистов. И пить, пока она не станет красивой и куда-нибудь денется, вечно они куда-то деваются, стоит им стать красивыми. А когда Витус закроется, взять у него с собой, и не дать Малышу Роланду влезть в безнадежную драку. И орать во все горло, до хрипа, и если в патруле будут салаги и начнут рыпаться, вмазать им по зубам, а если ветераны – дать отхлебнуть, потому как они свои парни и понимают, зачем пьют после рейда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.